

Письмо в будущее

Наука выживать бабушки Шурочки

В резонансном конкурсе сочинений, обращённых к потомкам, участвовали и магнитогорские школьники

Областной конкурс «Письмо в будущее. 1945–2020–2045» в рамках проекта «Тыловая вахта памяти» призван увековечить трудовой подвиг военного поколения. Среди 800 детских работ – и сочинение Евгения Шатни из 6 «Б» класса магнитогорской школы № 20. Его наставником выступила учитель русского языка и литературы Валентина Семёнова. Евгений удостоен свидетельства «Волонтёр тыловой вахты памяти».

Уважаемые потомки! В моём письме мало будет чего-то парадного, триумфального. Я пишу о тех людях, которым, может, как никому другому, пришлось испытать на себе всю чудовищную изнанку войны. Они не были на переднем крае. Не были они и в тылу. Они были на оккупированной врагом территории.

О них не очень-то принято вспоминать. Тем более – рапортовать. Ведь всегда трудно, а порой и невозможно говорить о преступлениях против человечности: стынет кровь, разрывается сердце, разум отказывается верить. Поэтому буду краток, почти бесстрастен. Сошлюсь на воспоминания. Эти люди – настоящие мученики: они стали невольными жертвами и свидетелями зверств фашистов. Среди них была и моя прабабушка Александра Шафеева.

Александра Евстафьевна Шафеева родилась под Курском в деревне Поповка. Бедно жили, голодно. Домик небольшой, три окна, пол земляной, печка. Прабабушка средней была – всё хозяйство на ней. Старшая сестра Настя всё работала без выходных, домой только

Свидетельство «Волонтёр тыловой вахты памяти» Евгения Шатни

спать приходила, а младшая Машенька слишком мала, за ней моя прабабушка приглядывала. Когда началась Великая Отечественная, Шурочке было десять лет, Манюне – три годика. Мама всё на работе да на работе. Отец в Москву на заработки подался, да и пропал. Так они и жили день за днём, но пришла война проклятая.

Страшные бои под Курском были. Мужчин всех на фронт забрали, а кто – в партизаны, в лес отправился. И вот в деревню Поповку немец пришёл. Прабабушка рассказывала: «Едут на танках,

на машинах, так их много. Да все холёные!» Корову их фрицы съели. Из дома выгнали, в бане жить вынудили.

Очень страшное было время – сражались солдатики, сколько народу полегло. Ещё прабабушка рассказывала: «Женщины бегали мёртвых раздевать, сапоги снимали. Тётя Феня, соседка, тоже сапоги хотела снять с убиенного солдата. Тянула, тянула – никак, взяла топор и отрубила ноги. Домой притащила, высвободила, сапоги носить стала... Немцы поначалу не лютовали, относились

хорошо. Трое у них в доме стояли на постое – Ганс, Отто и Генрих. Отто – самый старший, лет пятидесяти. Молодой Ганс на маму кричал, иногда прикладом бил. Фрицев этих можно было терпеть, но хуже них – власовцы. Это предатели, которые перешли на сторону фашистов... Так немцы и жили в доме, а на чердаке мама прятала раненого красноармейца. Меня с запиской к партизанам с подружкой Дунайшей посылала. Прибежим, записочку отдадим, нам за это партизаны сахарку дадут. Идём довольные обратно, песни поём. Как не боялись

бегать? Ума не приложу! Ведь под мостом немцы каждый день когонибудь вешали».

Как прабабушка оказалась в Магнитогорске? Приехала по вербовке вместе с Дуней, как война окончилась. Подруги на стройку устроились, общежитие получили, в одной комнате поселились. В это время Шурочка со своим будущим мужем познакомилась, Сашей.

Когда обжилась немного, маму вызвала, сестёр переманила. Они ей и предложили на повара учиться. Пошла. Всё сытной, ближе к котлу. Выучилась, направили её в медсанчасть комбината, в столовую, больных кормить.

После выхода на пенсию с мужем построили сыну дом, себе – сад. Ухаживали за хозяйством на всех огородах. Старались жить своим хозяйством: огурцы, помидоры, картошка – всё было своё. В девяносто третьем году умер мой прадед. Тридцать лет прожила прабабушка Александра Евстафьевна одна, с поддержкой детей. Немного болела, но никогда не жаловалась на недуги. Всегда пыталась помогать детям и внукам. В девяностых торговала возле магазина соленьями и семечками: пенсия была маленькая, но надо было как-то жить.

Прабабушка была очень сильным человеком, волевым, всегда говорила, что надо работать и не жалеть себя. И часто повторяла: «Лишь бы не было войны». Прабабушка похоронена на Правобережном кладбище рядом со своим мужем в 2015 году.

Эх, бабушка, бабушка, как бы хотел узнать о тебе побольше! Но я тебя помню, жалею и очень люблю!

Евгений Шатний

Личная история

Жители Магнитки любят свою малую родину и по праву ею гордятся. Немалое число магнитогорских семей в нескольких поколениях участвуют в её благоустройстве. Среди них – потомки репрессированных.

Моя семья, как многие, пострадала в репрессиях тридцатых годов. Дед добровольно отдал имущество и живность на нужды неведомого ему войска, на которые ссылались агитаторы, но всё же был забит насмерть за то, что пытался оставить себе маленького телёнка – ведь семье тоже надо есть. Бабушка осталась с пятерыми детьми, в числе которых и моя мама Лида.

Жить было непросто. В Магнитке, куда попала семья, спецпереселенцы спасались от голода, собирая мороженую картошку на полях за нынешним левобережным кладбищем, выбирали зёрна и отруби из отходов, выброшенных за мельзаводом, перебирали кишки, кости, раздавленные головы забитого скота около мясокомбината. Мама работала с четырнадцати лет, да и все магнитогорцы тогда много и тяжело работали. Она рассказывала, как с горы Магнитной вручную, выстроившись в длинную шеренгу, перебрасывали друг другу большие камни, чтобы выложить ими пропект Пушкина перед центральной проходной ММК. Носила эти камни и моя мама. Позднее участвовала

Перемелется – мука будет

в строительстве домны, возила вагонетки с грузом, освоила работу с электричеством.

В посёлке для спецпереселенцев родилась и я. С началом войны нас, малышей, забрали из барачков в детдом возле здания тогдашней восьмой школы: родители день и ночь работали для фронта и не могли уделять внимание детям, а здесь условия были получше. Иногда маме с бабушкой, которых я очень любила, удавалось взять меня на день-два – и это были настоящие праздники. Кстати, организацией работы детдома занималась начальник госпиталя, расположившегося в школе № 8, мать академика РАЕН Владимира Агеносова Ольга Агеносова.

В первые же месяцы войны трое моих дядьёв и тётя отправились на фронт добровольцами. Не доехав до места назначения, их эшелон оказался на линии огня партизан и немцев. В какой-то момент фашисты стали снаружи забивать двери теплушек. Но партизаны успели открыть несколько дверей, и кто смог – выскакивали на ходу. Так вышло, что братья – мои дядья – отправились дальше на фронт, а их сестру, вырвавшуюся из вагона, спрятала жительница соседней деревни.

Тётя после войны стала медиком, работала до девяноста лет и прожила сто один год. Из трёх её братьев-солдат один пропал без вести, другой дошёл до Берлина, после войны сорок лет отработал связистом на ММК, третий вернулся уже после Победы, работал сапожником, умер рано. Совсем молодым, в годы войны, умер и мой отец: в ту пору работал шофёром на грузовике, часто простывал в длительных сложных командировках.

Мама позднее снова вышла замуж. Отчим, инвалид войны, любил детей и меня считал дочерью. В пятидесяти метрах от дома № 21/1 по проспекту Сталина (теперь проспекту Ленина), где нам дали комнату, – за колючей проволокой был лагерь военнопленных: немцы, чехи, поляки. Они часто подзывали нас: «Киндер! Киндер! Хлеб! Хлеб!» Хлеб получали по карточкам, он был ценностью, но голодный лучше понимает голодного. Я бежала к бабушке, выпрашивала хоть небольшой ломтик для военнопленных, кидала им за проволоку. Они благодарили поклоном и перебрасывали мне в ответ свистульки и куколки из глины.

Учёбу я начала в Магнитогорске, а с четвёртого по седьмой класс

училась в Увельском районе, куда отчима направили агрономом и ветврачом. Здесь ему как фронтовику выделили землянку с русской печью – нашей кормилицей и спасительницей. Огородничали, собирали ягоды в лесу, обзавелись животинкой. Мы с мамой всегда на равных обрабатывали делянку, в десять-двенадцать лет я помогала дояркам, хоть последнюю коровку и додавала с трудом. Как ни тяжело было – меня всегда поддерживало то, что мама с отчимом мной гордятся.

В школу ходила за несколько километров от дома, зимой – по бездорожью. Однажды, уже темнело, я сбилась с пути. По счастью, услышала вдали скрип саней и наугад позвала: «Гнедко!» Кучер мог не услышать, но колхозная лошадка, которой и мне случалось управлять, когда возила на ней фляги с молоком на станцию, различила звук, встала как вкопанная. Друг друга не видим, снег непролазный, кучер кричит: «Ползи по сугробам на голос». Если б не они – замёрзла бы.

Окончив семь классов, вернулась в город к бабушке, поступила в педучилище, позднее – в пединститут. Как ни труден быт, семья у нас дружная, дядья вернулись с

фронта, роднились, я жила в обстановке любви и взаимной заботы. В школу устроиться было трудно, и мне предложили возглавить отдел по работе с детьми и молодёжью. Работали с трудными подростками и молодыми рабочими в общежитиях ММК, учащимися городских училищ и юными жителями Верхнеуральского района. С 1964 года тридцать лет во Дворцах имени Ленинского комсомола и имени Серго Орджоникидзе в составе творческого коллектива я участвовала в организации бесед, лекций, танцевальных вечеров, спортивных соревнований, концертов, выступлений дворовых клубов, встреч с участниками боевых действий, телемостки. По выходу на пенсию погрузилась в работу ветеранских организаций города и ММК.

В трудовой – записи о сорока двух годах стажа. К ним можно добавить ещё двадцать три – общественной работы. Вырастили с мужем двух дочерей, внуки отслужили в армии, внучка учится в медицинском. Я одна из многих потомков первостроителей Магнитки, кому повезло выжить в репрессиях, кто своим трудом делал сильнее и краше ставший родным город, вырастил достойное поколение. Что называется: перемелется – мука будет. Верится, что и потомки будут достойны первостроителей Магнитки.

Тамара Сергина